

ЧЕЛОВЕК И ДРЕВНОСТИ

**Памяти Александра Александровича Формозова
(1928–2009)**

Москва
2010

ББК 63.4
Ч 39

**Генеральный спонсор издания — Автономная некоммерческая организация
содействия сохранению историко-культурного наследия страны
«Наследие» (АНО «Наследие»)**

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук *И.С. Каменецкий*
доктор исторических наук *А.Н. Сорокин*

Составители сборника:
кандидат исторических наук *М.В. Андреева*
кандидат исторических наук *С.В. Кузьминых*
Т.Н. Мишина

Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) /
Отв. редакторы И.С. Камснецкий, А.Н. Сорокин. — М: Гриф и К., 2010. — 918 с., илл.

Сборник «Человек и древности» посвящен памяти русского археолога и историка Александра Александровича Формозова (30.12.1928–31.01.2009), внесшего фундаментальный вклад в изучение каменного века России, ключевых проблем источниковедения, теории первобытного искусства и истории науки.

Для археологов, антропологов, историков, студентов гуманитарных специальностей и всех любителей отечественной археологии и истории.

О.М. Мельникова
Удмуртский государственный университет, Ижевск

УРОКИ А.А. ФОРМОЗОВА

У каждого археолога, обращающегося сегодня к проблемам истории и историографии археологии, свой путь в эту сферу научного познания. Он непременно пересекается с творчеством А.А. Формозова — признанного авторитета в изучении истории археологии, ученого, на чьих книгах изучало и изучает в университетах историю своей науки несколько поколений советских и российских археологов. Для одних он — советчик в выборе проблемы или источника, для других — строгий критик, для третьих — непримиримый оппонент, для четвертых — вдумчивый наставник.

Мой личный путь изучения истории отечественной археологии оказался связанным с А.А. Формозовым опосредованно, через его многочисленные историко-научные изыскания. Всего лишь в двух жизненных ситуациях мы пересеклись с А.А. Формозовым непосредственно. Первый раз это произошло в процессе моей работы над книгой о пермской научной археологической школе, когда в мое распоряжение попали многочисленные письма, адресованные О.Н. Бадеру в Пермь во время его вынужденного почти десятилетнего пребывания в ней. Среди них было и два юношеских письма А.А. Формозова. Одно из них сообщает новости из ИИМКа в мае 1950 г., другое касается его поездки в Крым

летом 1952 г. Изначально мне представлялось возможным опубликовать их в настоящем издании.

Однажды я уже цитировала в своей книге один сюжет из этих писем (Мельникова, 2003а. С. 163–165). Спустя год после выхода этой книги во время нашей случайной встречи в ИА Александр Александрович попенял мне на то, что я процитировала его письмо, предварительно не попросив его согласия на это. Для меня это был значимый жизненный и исследовательский урок, который сегодня не позволяет мне публиковать его письма, поскольку стилистически и содержательно в ряде случаев они перекликаются с известными сочинениями ученого последних лет, в которых изложено осмысление его сложного опыта взаимоотношений с коллегами по профессии. Историография археологии пока не выработала адекватных методов изучения и введения в научный оборот личных источников недавнего прошлого. Поэтому эта моральная ситуация предопределила новый ракурс обращения к творчеству А.А. Формозова, который можно обозначить как уроки для историографии археологии.

Их осмысление возможно в понятиях методологии науки, столь неприемлемых для А.А. Формозова по отношению к истории археологии¹. Тем не менее, потребность в уяс-

¹ В книге «Историография русской археологии на рубеже XX–XXI вв.», где среди прочего рассмотрены мои работы (Мельникова, 2003а; 2003б), он упрекал меня в том, что «простейшие вещи» я излагаю «квазинаучным языком» (Формозов, 2004а. С. 28).

нении опыта развития историографического направления в археологии требует использования языка, принятого в данном разделе научного познания. Это особенно актуально и в связи с неоднозначной реакцией в археологическом сообществе на последние книги А.А. Формозова, что требует серьезного, в том числе и методологического, разговора об историографическом направлении в археологии, которое развивается во многих научных центрах.

Урок 1. Возникновение историографического направления в современной отечественной археологии, несомненно, связано с именем А.А. Формозова. Как и любой первопроходец, он был обречен на бесспорные успехи и неоднозначные результаты. Но, целенаправленно осуществляя историографическую работу, он решал важнейшую задачу для археологии — сохранения ее в лоне исторической науки. А.А. Формозов проявил поразительное свойство продуцировать и аккумулировать умонастроения, которые еще не вполне отчетливо звучали в археологическом сообществе.

Всплеск полевых исследований в 1960–1970-е гг. привел к резкому накоплению источников. Источниковедческие задачи систематизации и обработки материала на некоторое время отодвинули на задний план важнейшую познавательную задачу археологии — изучение истории обществ. Это привело к определенной изоляции археологии от исторической науки, которая сказала, в том числе, и на развитии ее историографии.

Советская археология, долгое время существовавшая в рамках жесткой марксистской парадигмы, изучала свой исследовательский опыт с прямолинейных позиций, начиная с бескомпромиссной работы М.Г. Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» и заканчивая более мягкими оценками в трудах А.Л. Монгайта. А.А. Формозов нашел свой исследовательский путь, позволивший создать и сохранить многомерное представление об истории археологии. Его культурно-исторический подход позволил очеловечить науку, вписать ее в контекст исторической реальности, сосредоточить внимание на изучении отдельных феноменов допрофессио-

нального, раннепрофессионального и профессионального археологического знания.

Предметом исследований А.А. Формозова становится археолог, его поведение, которое рассматривается как продукт изменчивости и динамизма его внешних отношений с другими людьми и изменения и развития самого ученого. Несмотря на то, что этот предмет реализовался в форме историографических очерков (очерки — излюбленный жанр ученого), культурно-исторический подход в археологии отчасти опередил историографическое время, найдя сегодня свое продолжение в историко-антропологическом подходе. Благодаря опыту А.А. Формозова сегодня в расширяющемся проблемном поле истории археологии акценты смещаются на изучение социокультурных процессов, основным ядром которых выступают личность, микрогруппа и сообщества разных типов. Культурное измерение историографического — вот важнейший урок, который следует активно развивать в масштабах как общенациональной, так и становящейся региональной историографии археологии.

Урок 2, преподанный А.А. Формозовым, состоит в том, что своими исследованиями он настойчиво формировал в археологах неотъемлемое свойство профессии — потребность в периодическом переосмыслении содержания взаимоотношений общества и археологического сообщества. Начатые А.А. Формозовым исследования сегодня приводят к саморефлексии археологии как в историко-научном, так и в социальном плане. Они имеют и важный педагогический смысл — обучение студентов-археологов в процессе освоения ими профессионально-культурных ценностей.

Урок 3. Стараниями А.А. Формозова сегодня стало очевидным фактом признание археологическим сообществом истории и историографии как самостоятельного направления в науке. Но ученый пошел дальше: интересным явлением стало развитие А.А. Формозовым историографии историографии. Ученый отслеживал все выходящие работы по истории археологии. По его статистике, «в 1920-х гг. у нас вышло две книги по истории археологии; в 1930-х — одна; в 1940-х — две; в 1950-х — три; в 1960-х — пять; в 1980-х гг. — девять;

в 1990-х — восемнадцать» (Формозов, 2004а. С. 11). По библиографии, приведенной в этой книге, только с 1997 по 2003 гг. в России вышло 26 монографий по истории отечественной археологии, не считая специальных сборников на историографические темы.

Эта статистика показывает определенные тенденции в науке. Рост числа историко-научных работ на рубеже веков отражает важные моменты в самопознании археологии, когда обращение к прошлому науки вытекает из потребностей ее реальной практики. Поиск путей развития археологии, выработка теоретических построений и методологии исследования со всей очевидностью убеждают ученых в необходимости изучения прошлого опыта.

Прочтение историографических работ А.А. Формозовым дает также весьма значимый урок относительно оценочных суждений о сочинениях прошлых лет. Совершенно неприемлемо оценивать историографические факты с позиций того, что мог бы, но не написал автор. Особенно это касается работ, выполненных в советское время, когда каждый археолог имел внутренний контроль относительно отбора и интерпретации историографических фактов, усиливаемый цензурой. Очевидно, более корректно оценивать научный вклад, внесенный исследователями прошлого в изучение той или иной проблематики, исходя из контекста эпохи, в которой творили археологи. На это обращал внимание и сам А.А. Формозов, указывая на своеобразие книг позднего советского периода: «Нельзя забывать и про то, что в начале 1980-х годов многие моменты осветить в печати было немислимо, а архивные материалы оставались для авторов недоступными» (2004б. С. 11).

Урок 4. Традиционно в археологии темы, связанные с прошлым науки, терминологически именуются историографией. Изучение историографических разделов в археологических исследованиях и специальных работах по истории науки показывает, что их большая часть связана с описанием процесса накопления знаний, нередко заключающимся в простой хронологической регистрации трудов и их аннотации. Во многом это следствие позднего оформления историографии в самостоятельное направление археологии и ее изоля-

ции от историографии исторической науки. Еще в 1975 г. А.А. Формозов справедливо подчеркивал: «Приходится признать, что исследование истории своей науки у советских археологов большого развития не получило» (1975. С. 5–6).

Но и сегодня стоит важный вопрос: «Каковы предметная сфера и функции историографии в современной археологии?». Исследования, выполненные А.А. Формозовым, базируются на специфическом понимании ее предмета. Для него историография — это история археологической науки.

Термин «историография археологии» стал результатом долгих поисков через понятия «история археологических знаний», «история отечественной археологии». Первый термин вошел в устойчивое употребление, очевидно, со времени выхода книги С.А. Жебелева «Введение в археологию», первая часть которой называлась «История археологического знания» (1923). Долгое время в СССР университетские учебные планы подготовки археологов содержали спецкурс «История археологических знаний». В последнее десятилетие появилась во многом интуитивная тенденция использования термина «историография археологии» (Герасимов, Горбунова, 2002. С. 41). Причем нельзя сказать, что он является однозначно утвердившимся, как нельзя с уверенностью говорить и об общепринятом содержании термина. Все отчетливее видятся различия в терминах «история науки» и «историография». Требуется осмысления их взаимосвязь.

Терминологическое определение раздела археологии, изучающего ее историю, принципиально, т. к. оно связано с пониманием его предмета. Археология в этом смысле повторяет путь историографии исторической науки, в которой в 1960–1970-х гг. остро дискутировалась проблема предмета науки. Она не утратила своей актуальности и сегодня. Исследователь научного сообщества в исторической науке Г.П. Мягков отмечал: «Ныне историография преодолевает свой “эмпирико-описательный” этап развития. На следующем этапе важнейшей задачей становится размещение и интеграция фактов в глобально-историческом или историософском повествовании» (Мягков, 2000. С. 5–6).

Несомненно, что предмет историографии историчен, что и должно определять наш подход к его рассмотрению. В свете воззрения на историографию как на культурно-исторический феномен объект историографического исследования и его предмет могут быть представлены в виде процесса, развивавшегося по мере развития потребностей археологии в познании прошлого своей науки.

В последние годы в археологии постепенно преодолевается узость в понимании предмета историографии исключительно как истории археологических знаний. Наряду с историей знаний, он включает и историю науки: выявление изменений в организации научной деятельности, изучение социальных функций археологии, рассмотрение системы подготовки научных кадров, характеристику коммуникаций, анализ влияния социальных факторов, гендерную составляющую дисциплинарного сообщества, персональную биографию.

Урок 5. Основа историографических и историко-научных исследований — источники. Все работы А.А. Формозова основаны на тщательных архивных поисках, постоянном расширении источниковедческой базы. Поэтому создание полноценной историографии науки требует детального обследования архивохранилищ, причем связанных не только с историей археологии, но и с широким социальным и культурным контекстом, в котором она развивалась.

Использование наряду с научными трудами подготовительных материалов, черновиков, набросков рукописей, отстраненных вариантов текстов, выписок, неопубликованных рукописей, текстов лекционных курсов, учебных программ, личных источников, периодической печати, библиографических обзоров, статистики, делопроизводства научных учреждений уже сегодня позволяет поднять на качественно новый уровень развитие историко-научных и историографических изысканий.

Источниковедческая работа важна и потому, что не у всех археологов имеется возможность обращения к оригинальным историографическим источникам. Нередко цитирование путем вторичных ссылок приводит к возникновению научной мифологии.

Поэтому важный урок А.А. Формозова, отчасти реализованный в издании «Антология советской археологии», — научная публикация наиболее востребованных трудов прошлых лет.

Урок 6. К большому сожалению, в историографии археологии, за редким исключением, не раскрываются теоретико-методологические подходы авторов. Лишь при анализе целей исследования можно проследить методологию, которая состоит в том, чтобы «проанализировать», «обобщить», «выявить», «описать» историографические факты. Тем не менее, приятные исключения все же существуют. В целом ряде работ последних лет специально излагается методология с точки зрения содержания выявляемого знания, обосновывается понятийный аппарат, выстраивается обоснованная исследовательская концепция (см., напр.: Оконникова, 2002; Платонова, 2008).

Урок 7. Методология историографического исследования определяется его целью и задачами. Строго говоря, эта тематика чужда творчеству А.А. Формозова, но именно его изыскания послужили толчком к дальнейшему методологическому развитию историографии археологии.

В частности, стали подниматься проблемы уровневой организации историографических исследований. Эмпирический уровень исследования связывают с выявлением историографических фактов из источников. Их описание и накопление составляют содержание этого этапа исследования. В.Ф. Генинг отмечал, что для эмпирического исследования в истории археологии характерны обзоры частных проблем, связанных с конкретно-историческим изучением памятников, культур, эпох, регионов (Генинг, 1982. С. 4). В.И. Матющенко указывал на то, что «эмпирический уровень исследований в историографии предполагает изучение хода полевых экспедиционных работ, выход в свет научных публикаций, проведение съездов, конференций по вопросам археологии, публикации материалов камеральных исследований» (2001. С. 4). При этом он подчеркивал, что «большей части историографических работ по археологии свойственен эмпирический уровень. Подобное состояние складывающихся исто-

риографических исследований характерно для науки, которая еще оформляется, имеет незначительный накопленный материал, в содержании которого трудно уловить какие-то закономерности, своеобразие научных школ, исследовательских программ» (Там же).

А.И. Ганжа предложил назвать этот уровень фактологическим, указывая, что он «является начальным в изучении истории любой науки и формирует комплекс систематизированных главным образом в хронологическом срезе эмпирических фактов» (1987. С. 138).

Приведенные мнения показывают, что эмпирическое исследование в историографии археологии содержит два отличных друг от друга смысла. В первом случае его связывают с выявлением и описанием историографических фактов, вне зависимости от их археологического содержания (В.Ф. Генинг, А.И. Ганжа). Во втором к ним относится рассмотрение только тех фактов, которые отражают содержание эмпирического уровня археологического исследования (В.И. Матющенко).

На теоретическом уровне происходит объединение историографических фактов общей идеей. В.Ф. Генинг связывал его с изучением «эволюции общего стиля научного мышления, развития методов, концепций, теорий, гипотез, определявших общее направление исследовательского поиска в тот или иной период развития археологии» (1982. С. 4). В.И. Матющенко полагал, что он «включает рассмотрение основных идей и представлений о развитии древней культуры в науке, закономерностей в развитии археологии и отдельных ее направлений, школ, места и роли археологии в системе наук и культуры общества изучаемого периода» (2001. С. 4).

В работах по истории археологии используется плодотворная идея выделения науковедческого уровня (Ганжа, 1987. С. 139; Лебедев, 1992. С. 8–9; Мельникова, 2003а. С. 9–17). Он иерархически соподчинен с фактологическим и теоретическим уровнями и связан с созданием модели истории развития археологии как социального института.

Наиболее обоснованно этот подход реализован в исследовании Г.С. Лебедева (1992. С. 8–9). Автор предлагает изучать разные уровни функционирования археологии. Это уровень фундаментальных характеристик

науки — общая теория науки, история науки; уровень экстранаучных характеристик — экономика, социология науки, наука и политика; социокультурные характеристики науки — научный прогноз, планирование, управление наукой; инфраструктурные характеристики — наукометрия, научная организация труда, психология, этика, правовые основы научной деятельности, язык науки (Там же).

Такой подход весьма перспективен для историографии археологии, поскольку позволяет увидеть многомерность историографического процесса — его системность, изменчивость, относительность.

Понимание уровневой организации историографического исследования позволяет вести индуктивное исследование, когда на этапе выявления фактов возникает потребность не только в их описании, но и объяснении в понятиях теоретического уровня («научное направление», «проблемная область», «течение», «движение», «научная школа», «парадигма», «исследовательская программа», «научная традиция», «символический капитал», «социальная сеть»). На науковедческом уровне оказывается возможным включение историографических фактов в систему понятий и категорий, связанных с системным видением развития науки как знания, как деятельности и как социального института. При этом возможен и другой путь — дедуктивный, когда применение науковедческих понятий позволяет вести целенаправленный поиск научных школ, направлений, проблемных областей на уровне формирования историографического факта.

Урок 8. Анализ творчества А.А. Формозова ставит еще один вопрос, требующий обсуждения. Это методы историографического исследования. В их основе лежат общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, исторический, логический и т. д.). Широко применяются специально-научные методы исследования (генетический, сравнительный, типологический, системный, хотя при изучении истории археологии первые два преобладают).

Особый круг методов — частно-научные. Таковым является метод выделения социальных структур в археологии (научных разделов, направлений, школ, течений, движений).

К нему в свое время обращался С.А. Жебелев, введя понятие «отдел» науки: «В соответствии с вещественными категориями археология могла бы делиться на большое число подразделений» (1923. С. 29). Он же предостерегал: «Дробить ту или иную научную дисциплину на те или иные отделы приходится ее представителям, памятуя о слабости сил человеческих, хотя и тут опять-таки опасно оказаться в положении человека, который из-за деревьев не видит леса» (Там же. С. 31).

Метод научных направлений разрабатывался В.Ф. Генингом для истории отечественной археологии (1982. С. 58). Но, к сожалению, неопределенность содержания понятия «научное направление» до сих пор приводит к тому, что в качестве критериев выделения научных направлений используются разные признаки. Это затрудняет сопоставление направлений в структурном и историческом контексте. В качестве таковых называются тематические разделы — первобытная, античная, восточная, славяно-русская (Формозов, 1961); теоретические и методологические концепции — диффузионизм, эволюционизм, географический детерминизм (Монгайт, 1973), процессуализм, постпроцессуализм, неомарксизм (Корякова, 2002); парадигмы — эволюционное, классическое, палеоэтнологическое, социологическое (Генинг, 1982), культурно-историческое, историческое, бытописательское, этнологическое, экологическое (Лебедев, 1992).

Проблема выбора критериев возникает и при использовании метода выделения научных школ (Мельникова, 2003а; 2003б; 2006). Ими могут быть национальная или территориальная принадлежность, отношение к источнику, методам исследования, проблематика работ, принадлежность к университетам, общность учителя, исследовательская программа.

Интересен метод портретного изложения (метод научной биографии, биографический метод, метод персональной биографии). Однако, как показывают работы А.А. Формозова (2004б; 2005), в его нынешнем виде он наиболее уязвим для критики. Проблема здесь состоит в определении предмета биографического изучения — должен ли он включать только интеллектуальную биографию уче-

ных или персональную биографию в целом. Сегодня историко-антропологический подход трактует метод как глубокое погружение в социокультурную среду и выяснение динамики изменений личности на всех ее уровнях и направлениях (Репина, 2003. С. 8).

Возвращаясь к книгам А.А. Формозова последних лет, замечу, что преодоление методологических проблем биографического жанра может быть снято при освоении метода устной истории (Томсон, 2002). Его реализация в практике историографии археологии отчасти заменит почти полное отсутствие мемуарной литературы (Тихонов, 2004. С. 30).

А.А. Формозов плодотворно использовал в своих исследованиях метод периодизации, поскольку он обеспечивает структуру для изучения истории археологии (1994; 2004). В последнее десятилетие XX в. проблема периодизации истории российской археологии была предметом дискуссии (В.Ф. Генинг, А.Д. Пряхин, А.А. Формозов, Г.С. Лебедев). В регионах, где развивается историографическое направление, известны дискуссии по поводу периодизации региональной истории археологии.

Однако освоение метода периодизации затруднено как недостаточной фактологической изученностью истории археологии в масштабах всей страны и отдельных ее регионов, так и наличием множества критериев периодизации. В качестве таковых используются фундаментальные теории (Генинг, 1988; Генинг, Левченко, 1992), деятельность ярких личностей в археологии, господствующая парадигма, методологическое состояние археологии, организационные изменения (Лебедев, 1992; 1993. С. 2–4; Формозов, 1994), отношение к политическим событиям (Монгайт, 1955), накопление археологических знаний, изменение социальных условий деятельности археологов.

Обоснование критериев выделения периодов неразрывно связано с применением хронологического метода, который важен для определения границ периодов. Но и их хронология также является предметом дискуссии. Объясняя факт несогласованности периодизаций, А.Д. Пряхин пояснял: «Надо учитывать всю сложность периодизации, ее неизбежную условность. И, тем не менее, найти

значимые грани в истории науки необходимо, поскольку периодизация является важнейшим средством познания закономерностей развития изучаемого объекта» (1986. С. 7–8).

Новейшей историографии археологии вполне уместно вернуться к методу периодизации. В этом важен опыт исторической науки, в которой обосновываются новые критерии периодизации истории России, возникает новая терминология. Так, традиционный в истории археологии «дореволюционный период» в исторической науке предлагается называть «имперским периодом», что, очевидно, отражает более глубокие реалии. Историки полагают, что «исторические периоды — это интеллектуальные абстракции, они находятся в числе значимых для нашей дисциплины. Деление на периоды слишком важно, чтобы необдуманно приниматься в качестве интеллектуального наследия предшествующих поколений. Те, кто основал наше деление прошлого, *имели отличные от нас ценности, приоритеты, методологии* (выделено мной. — О.М.)» (Грин, 2001. С. 76).

Урок 8. Как показывает опыт А.А. Формозова, блестящее знание историографических фактов важно для каждого исследователя. Оно составляет его успех и на этапе поиска археологических памятников, и в процессе их дальнейшего изучения. Ограниченность историографических знаний археологов сегодня нередко приводит к «переоткрытию» открытий. Это наиболее заметно на стадии объяснения археологических материалов, когда под собственным именем реанимируются идеи, уже доказавшие свою состоятельность в прошлом. Особенно это касается наследия досоветского периода и зарубежного опыта, которые были дозированы в советские времена.

Урок 9. Книги А.А. Формозова последних лет, ставшие фактами историографии археологии, при всей их неоднозначности, ставят перед внимательным читателем вопрос об объективности историографического знания.

Субъективный характер социального познания общеизвестен, поскольку объект и субъект познавательного процесса относятся к одному миру, к миру людей, а сам процесс для познающего субъекта и для общества, к которому он принадлежит, является актом

самопознания. Объект историко-научного исследования представляет собой мир людей, наполненный страстями и эмоциями. Они оказывали едва ли меньшее влияние на ход событий, чем осознание археологами своих интересов и идей. Эмоции минувших лет забываются со временем, но легко могут быть реанимированы при обращении к материалам прошлого. Огромное воздействие на самосознание археологов оказывали и более общие процессы, связанные с принципиальной корректировкой марксистской парадигмы науки и научного творчества, сломом или сменой ее существенных компонентов.

Исследователь истории науки по мере более глубокого ознакомления с источниками, вживания в изучаемую эпоху, становится как бы соучастником тех действий и процессов, которые он познает, заражается теми же переживаниями и эмоциями, которыми жили персоналии научного исторического исследования — и одновременно герои повествования. В прошлом он может усматривать аналогии современному положению в археологии, что ведет к тому, что историк науки сочувствует одной из сторон изучаемого периода, а это неизбежно ограничивает его объективность.

Ситуация усложняется, если историк науки, как в случае с А.А. Формозовым, сам участник исследуемых событий. Объект его историко-научных изысканий находится в весьма жесткой зависимости от субъекта исследования. Он таков, каков сам историк науки, личность которого составляет продукт своей эпохи и вписана целиком и полностью в культурно-историческую ситуацию своего времени, является ее частью, и в то же время, как личность творческая, оказывает обратное воздействие на эту ситуацию. Читатель книг А.А. Формозова наблюдает, что степень такого обратного воздействия историка науки на культурно-историческую ситуацию в историографии археологии оказалась достаточно высока. Поэтому на повестку дня историографии археологии выдвигается вопрос о внимательном изучении деятельности многих выдающихся археологов советского времени, а также исследователей «второго плана», со строгим учетом конкретной культурно-исторической ситуации прошлых лет.

Важно подчеркнуть, что объект историко-научного изучения — советская археология — для А.А. Формозова — результат свободного выбора историка науки. Но этот выбор не зависел исключительно от него. Он, безусловно, был связан с культурно-исторической ситуацией 1990-х гг., частью которой было переходное состояние археологии, связанное с выбором путей ее развития в постперестроечные годы. Изучение историографией археологии недавнего — советского — времени, к которому принадлежит и сам А.А. Формозов, явилось фактором зрелости научной дисциплины.

Урок 10. Но каким должен быть синтез непривычной для современного историографа ситуации, когда ему приходится рассматривать события, очевидцем или непосредственным участником которых он являлся сам? Бурный резонанс вокруг исследований А.А. Формозова по истории советской археологии способствовал выработке в археологическом сообществе понимания проблемы значимости историографического труда и общественных функций историка. Исследователь Г.И. Зверева полагает, что историк выступает в обществе в качестве «своеобразного медиума (от лица которого говорит прошлое), учителя (представляющего опыт истории), пророка (способного понимать настоящее и предсказывать будущее, исходя из уроков прошлого)» (1999). Стремление археологии к обновлению этого понимания и нашло свое выражение в дискуссионных книгах А.А. Формозова, а потом и внутри профессионального археологического сообщества.

А.А. Формозов обозначил проблему базовых ценностей профессии археолога и изложил их собственное видение. Их понимание он выразил через реконструкцию личного опыта в профессии и реализовал сквозь его призму (постижение истории археологии «во благо археологического общества», для извлечения «уроков истории археологии»). Для него опыт есть выражение связи прошлого, настоящего и будущего археологии, непрерывно обновляющийся, открытый путь сознания, заключающий в себе процедуры наблюдения, обобщения, освоения, переработки, преодоления того, что осмыслено и пройдено в науке.

Для историографии археологии этот опыт ставит проблему историка науки как очевидца и участника событий. Безусловно, советская археология, войдя в лоно исторических дисциплин, оказалась связанной с идеологией своей эпохи, а археолог — вне зависимости от всей оппозиционности властям или верноподданничества — нес на себе отпечаток своего времени и в той или иной степени был подвержен политизации. Но кроме этих компонентов, обуславливающих научную деятельность ученого, «существует так называемый генетический код, индивидуальность, проявление личностного начала, свойственных только одной персоне. Врожденные свойства человека, ум, свободный либо догматический склад мышления, интеллект, черты характера (деликатность либо беспардонность, такт, чувство меры, достоинство либо беспринципность, основательность или легковесность), темперамент, наконец, психика (устойчивая психическая структура предполагает разумные и взвешенные решения), воспитание и образование, наложенные на человеческие особенности, в конечном счете, определяют восприятие внешнего мира» (Вандалковская, 2001. С. 258).

Изучение всех этих многообразных аспектов личности ученых-археологов позволит найти более точный язык описания научных фактов и их оценок, наподобие тех, что опубликованы по истории отечественной этнологии и антропологии в последнее время (Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи, 2004; Репрессированные этнографы, 2002; 2003), в биографическом издании (Историки России... 2001), где даны образцы взвешенной и корректной научной оценки деятельности коллег.

Обычно историческая традиция отторгает события, относящиеся к недавнему прошлому, отдавая их на откуп публицистике. Но история археологии не была предметом рассмотрения ни публицистов, ни мемуаристов. Поэтому и возник этот новый ракурс в историографической практике археологии. Прочтение работ А.А. Формозова подтверждает констатацию французского социолога П. Бурдьё: «Чем ближе к настоящему времени, тем “вульгарнее”» (1996). Разрешение этой проблемы позволит в изучении истории археоло-

гии избежать шельмования одних исследователей и восхваления других.

Для молодых археологов, в особенности студентов, книги А.А. Формозова — это констатация фактов истории отечественной археологии, для археологов среднего и старшего поколения — это во многом история их собственной жизни в науке. Поэтому, не забывая, конечно, о сугубо личностных моментах, влияющих на научное творчество археологов, важно определить, какие факторы характеризуют ту или иную генерацию ученых, поскольку именно этим и будет определяться отношение современного научного сообщества к историографическим работам. Рассмотрение истории археологии с позиций концепции поколений может выстроить более взвешенную оценку научной деятельности тех или иных исследователей.

Ее важность обуславливается еще и тем, что в археологии одновременно действует и работает несколько поколений ученых, для каждого из которых существуют свои собственные научные предпочтения, авторитеты, отношение к прошлому своей науки. Очевидно, что введение в познавательный процесс историографии археологии категории «поколение археологов» приобретет не только эмоциональный, но и важный структурно-организующий смысл в изучении истории науки. В историографии исторической науки эта категория уже позволила вести сравнительное изучение генераций историков, которое позволило дать новый угол зрения на многие проблемы исторической науки (Сидорова, 2002; Синенко, 2009).

Сегодня входит в науку новое поколение археологов — прагматичное, напрямую осваивающее ценности мировой науки, знающее языки, владеющее информационными технологиями. Его трудно вписывать в традиционные историографические структуры направлений, научных школ, движений, течений в науке. Новое поколение в значительной мере социализируется посредством социальных, в первую очередь виртуальных, сетей. В нем нет очевидных ярких общенаучных интеллектуальных лидеров.

Поэтому сегодня особую актуальность в историографии археологии приобретает как традиционное выявление и осмысление ее

отдельных направлений, течений, движений, научных школ, деятельности отдельных археологов, так и изучение новых альтернативных форм профессиональной консолидации в виде социальных сетей. Последние позволяют весьма активно продуцировать идеи и достижения, расширять круг их сторонников, формировать незримые колледжи. Но проблема состоит в том, что не всегда именно профессиональное археологическое сообщество активно позиционирует себя в виртуальном пространстве. Нередко наибольшую активность в этом направлении проявляют маргинальные ученые, не сумевшие вписаться в существующие профессиональные субкультуры. Среди них встречаются просто непрофессиональные деятели, лжеученые, квазиученые (свидетельством чему являются многочисленные сайты черных археологов). Их деятельность подвергает угрозам и разрушает профессиональные идентичности.

Поднятый А.А. Формозовым интерес к личности археолога-профессионала, его особенностям и качественным характеристикам, приобретает особую социальную значимость. Он связан с проблемами профессиональной социализации. Миссия социализации нового поколения археологов лежит на всем археологическом сообществе. Для ее осуществления большое значение приобретают историко-научный и историографический контексты.

В условиях рефлексии состояния науки обращается к своему прошлому опыту. Он уже выходит за рамки самих идей, понятий, концепций, гипотез, обращая внимание историографии археологии на анализ конкретных средств и способов их формулирования, к судьбам их творцов, к широким социокультурным контекстам, в которых археологические знания функционировали, воспроизводились, интерпретировались, модернизировались. А.А. Формозов раскрыл для археологии значимость историографии как инструмента развития археологии, открыл новые концептуальные и проблемные поля, сделал интеллектуальную традицию и судьбы ее носителей важнейшим предметом историографического исследования в археологии. Восприятие исследовательского опыта А.А. Формозова, его наследование, творче-

ское преобразование, преодоление проблем, вытекающих из него, — важнейшие уроки для историографии археологии, данные науч-

ным творчеством А.А. Формозова. Их усвоение — условие сохранения археологией ее интеллектуального наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдые П., 1996. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма. М.

Вандалковская М.Г., 2002. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир историка. М.

Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М., 2004.

Ганжа А.И., 1987. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60-х гг. как историко-научная проблема // Исследования социально-исторических проблем в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев.

Генинг В.Ф., 1988. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемные ситуации в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992. Археология древностей — период зарождения науки. Киев.

Герасимов Ю.В., Горбунова Т.А., 2002. Историография и новые научные направления // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск.

Грин В., 2001. Периодизация в европейской и мировой истории // Структуры истории. Новосибирск.

Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. Пг. Ч. 1: История археологических знаний.

Зверева Г.И., 1999. Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований: Информационно-аналитический бюллетень Центра теоретических проблем исторической науки. М. Вып. 2. URL: www.hist.msu.ru/.../HisTheory/Ed2/nuitr6.htm (дата обращения 07.12. 2009).

Историки России: Биографии. М., 2001.

Корякова Л.Н., 2003. Археология раннего железного века Евразии. Общие проблемы.

Железный век Западной Европы. Екатеринбург. [Электронный ресурс. 1 CD-ROM.]

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. СПб.

Лебедев Г.С., 1993. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. СПб.

Матющенко В.И., 2001. Триста лет сибирской археологии. Омск. Т. I.

Мельникова О.М., 2003а. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск.

Мельникова О.М., 2003б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск.

Мельникова О.М., 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. Ижевск.

Монгайт А.Л., 1955. Археология в СССР. М.

Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. М. Т. I: Каменный век.

Мягков Г.П., 2000. Научное сообщество в исторической науке. Казань.

Оконникова Т.И., 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья. Ижевск.

Платонова Н.И., 2008. История археологической мысли в России (последняя четверть XIX — первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии. М.

Репина Л.П., 2003. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М. Спец. вып. 8.

Репрессированные этнографы. М., 2002.

Репрессированные этнографы. М., 2003.

Сидорова Л.А., 2002. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. М.

Синенко А.А., 2009. Практика межпоколенческой коммуникации русских историков конца XIX — начала XX вв. // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Казань.

Тихонов С.С., 2004. К вопросу об изучении истории археологии Сибири // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Мат. Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004). Омск.

Томсон П., 2003. Устная история. Голос прошлого. М.

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1975. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. № 4.

Формозов А.А., 1994. О периодизации отечественной археологии // РА. № 4.

Формозов А.А., 2004а. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск.

Формозов А.А., 2004б. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.

Формозов А.А., 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.